

ЖЕЛАЕМОЕ И ВОЗМОЖНОЕ

(Выступление в "летучем университете")

Ни один из анализов исторических предпосылок лета 1980 года не представляется мне исчерпывающим. Мне думается, что при разборе следует обратиться к более далекому прошлому, к 1944 году, когда нашему народу, оказавшемуся в русско-немецких тисках, навязали нынешний образ жизни.

Напомню, что случилось в июне 1944 года. Председатель польского правительства -- тогда оно было в эмиграции, в Лондоне, -- поехал в Москву, чтобы урегулировать со Сталиным польско-советские отношения. Предполагалось, что в рамках хоть и навязанного, но все же приемлемого союза поляки сохранят самостоятельность как нация. Но в день приезда Миколайчика в Москву, и это весьма знаменательно, в Польше начался судебный процесс генерала Окулицкого, бывшего командующего Армии Крайовой (Отечественной армии),¹ и некоторых других представителей польского сопротивления. Случайное ли это совпадение? -- Нет. Процессы Окулицкого и других оказались как бы прообразом драматического развития Польши последующих тридцати шести лет.

Именно тогда, в 1944 году, был опробован способ, посредством которого осуществлялись соглашения, достигнутые на конференции в Ялте. Все, что случилось потом, было всего лишь нахождением еще более эффективных приемов претворения в жизнь руководящей роли "советской польской партии". *(Смех в зале.)*

Чтобы не топтаться беспомощно на месте, нужно в первую очередь определить, что случилось в Польше в 1944-1945 гг. Социальная революция, передавшая власть в руки рабочих и крестьян? Или же внедрение извне навязанной системы общественных отношений, которую не в состоянии принять польское общество и польская нация и которую они всячески стараются сбросить?

Чтобы понять, что же нам принесли представители Польской рабочей партии и Союза польских патриотов,² надо отвлечься от их субъективных мотивов, которые можно истолковать как проявления "ложного сознания", и сказать откровенно: эти люди оказались всего лишь проводниками политики Сталина на территории Польши. Тогда именно коммунисты и должны были выдержать испытание на патриотизм, но... они держат этот экзамен до сих пор.

Требуем ответа и еще один вопрос, если мы хотим понять современную ситуацию в Польше: почему поляки без сопротивления подчинились сталинскому нажиму -- "процессу советизации", как его называет Колаковский?³ В данном случае я пользуюсь словом "советизация", чтобы обозначить процесс, в результате которого нам была навязана общественная и экономическая система, предполагавшая лишь один единственно возможный тип общественных отношений и исключавшая все другое. При такой, советского типа, системе человек превращается в собственность государства.

Объяснение, почему польская общественность не сопротивлялась, неправильно, по-моему, сводить к одному террору. Все мы знаем, что он начался в Польше в 1945 году, что острие его было направлено прежде всего против солдат Армии Крайовой и других групп вооруженного сопротивления, как и против политических партий, что к пятидесятым годам террор распространился на все, что несло в себе хотя бы зародыш независимого поведения. И все же террор -- не исчерпывающее объяснение. Такая трактовка тоже была нам навязана. И она ложна. Не следует забывать, что все идеологические и политические течения Польши того времени признавали необходимость социальных реформ, критической переоценки периода между двумя мировыми войнами. В 1944 году такая переоценка и была осуществлена. Однако вытекавшие из нее действия обернулись карикатурой. *Проведенные* в то время общественные реформы были карикатурой реформ *предлагавшихся*. Тогда, к концу войны, коммунисты умудрились предложить фальшивые решения возникших проблем; им удалось завладеть нашим языком и навязать обществу свой жаргон. Проблема исковерканного языка -- принципиальная проблема. И я считаю, что выяснение ее и составило содержание интеллектуального развития Польши последних тридцати лет. Анализ партийного жаргона

помогает понять технику

- манипуляции фактами;
- управления человеческими отношениями.

В те годы наше общество забыло польский язык. Действительность была страшна, отвратительна. Но никто не называл вещи своими именами. И нет у нас до сих пор, например, объективной, вдумчивой, спокойной книги о польском сталинизме. С другой стороны, польская оттепель в октябре 1956 года вызвана была именно осознанием извращенности нашего языка.

На причинах польского Октября я останавливаться не буду. Не буду говорить и о событиях 1956 года. Все это уже достаточно серьезно изучено. Меня интересуют причины нашего поражения в 1956 году. В них -- ключ к событиям лета 1980 года. Определить эти причины совсем не просто. Можно, разумеется, обратит внимание на острую потребность общества в новом мире. Тогда таким кумиром стал Гомулка. Мы сотворили себе кумир из человека, который удостоился чести сидеть в сталинских тюрьмах, который выступал против коллективизации, который открыл ворота тюрем перед солдатами Армии Крайовой и другими узниками (например, кардиналом Вышинским), который признал справедливость требований восставших польских рабочих. Это Гомулка заявил, что разумный союз Польши и СССР может быть обеспечен только отношениями равных партнеров. Заявления Гомулки отражали, конечно, чаяния большинства поляков. Думаю, что за всю историю народной Польши только Гомулка как руководитель компартии оказался одновременно подлинным представителем народа. Приходится, однако, добавить, что Гомулка на все лады старался с присущим ему усердием как можно скорее потерять не только свою репутацию, но и свою должность. *(Смех, аплодисменты.)*

Анализируя кризис Октября 1956 года, важно отметить пассивность общества. Центр тяжести оказываемого на власть имущих давления находился тогда внутри партии. И народное движение потерпело поражение не потому, что поддержало Гомулку, а потому, что отождествило себя с ним, тем самым отождествляя свои интересы с интересами аппарата. А после поражения с коммунистами-реформистами расправились не как со сторонниками демократической альтернативы или демократических перемен, а как с функционерами, одного за другим выгоняя из аппарата. Кроме того, отождествление представителей на-

родного движения с интересами аппарата еще раз позволило навязать обществу двусмысленный жаргон последнего. Дискутировались не реальные, соответствующие конкретной действительности понятия, но только лишь идеологические клише. Обсуждались такие вопросы, как "Может ли быть социализм более совершенен?", "Может ли быть марксизм более открытым, или это учение закрытое, а иным быть не может?". Такой способ подхода к насущным проблемам в период польского Октября помешал отчетливому самоопределению неортодоксальных левых, помешал им найти себя.

Заслуживает внимания еще один вопрос: почему польский Октябрь не завершился советской интервенцией? Ответить на него тоже не так просто. Я ограничусь одним из возможных объяснений. За то, что русские не вошли тогда в нашу страну, мы должны быть в значительной мере благодарны руководителям партии и государства, польским военным. Вы можете думать о советских вождях, что заблагодарассудится (*смех в зале*), но нет сомнений, что они — политики-реалисты. Советские вожди знали, что польская армия и польский народ будут сопротивляться. Перед советскими руководителями была альтернатива: либо пойти на компромисс, либо навязать Польше советскую модель социализма силой. Многое свидетельствует о том, что в Советском Союзе обсуждался и этот второй вариант. В результате польского Октября в стране возникли две опоры, на которых до сих пор держится наше общество, — Церковь и единоличное сельское хозяйство. А потому едва ли можно сомневаться, что на компромисс с Польшей Советы шли со скрежетом зубовым.

Сегодня встает перед нами вопрос: можно ли повлиять на руководителей советской державы, склонить их к признанию факта существования независимых польских профсоюзов? Пытаясь найти ответ, надо исходить из опыта польского Октября 1956 года. Польская общественность, все мы должны быть уверены, что примириться с этим новым польским феноменом в интересах самого советского руководства. Мы должны действовать умеренно и продуманно, но в то же время решительно и бескомпромиссно.

Анализ польских событий 1956 года показывает, что механика сталинизма была тогда раскрыта не полностью, не были обнародованы все материалы политических процессов, злоупот-

ребления в судопроизводстве, методы коллективизации сельского хозяйства, практика партийной диктатуры остались неразоблаченными. Мы ограничились общими словами сожаления и отставкой нескольких функционеров, на которых свалили всю вину. Говоря иначе, козлы отпущения, но ни в коем случае не механизм власти предстали тогда как виновники.

Четырнадцатилетняя эра Гомулки началась невиданным триумфом партии. Она завершилась столь же невиданной бойней в городах балтийского побережья. К концу эры Гомулки мы потеряли надежду на демократизацию и достижение независимости государства через посредство партии. А ведь как раз эта наша надежда привела Гомулку к власти!

Принято говорить о странностях Гомулки, о его авторитаризме, о неприятии им плюрализма, о его нежелании считаться со взглядами оппонентов. Но не это — самое важное. Гомулка, прежде всего, — выразитель своего времени, своей среды. Какова же была программа Гомулки, чего он добился? По словам одного писателя, он привел нас к "малой стабилизации", а по словам другого — к "малому апокалипсису".⁴

Руководство при Гомулке старалось убедить общество, что стабилизация — наивысшая ценность, цель, к которой всем должно стремиться. Напомню, что в то время горел Будапешт, и это как бы подтверждало, что перемены, если они вообще возможны, могут быть весьма и весьма ограниченными. Причем, их предел положен прежде всего советским присутствием в нашей части Европы — оно диктует правила игры. Правда, с другой стороны, прочности этих правил способствует признание советского присутствия в Восточной Европе со стороны Запада. Обращения тогдашнего премьер-министра Венгрии Надя к Западу с просьбами о помощи и молчание Запада в ответ на эти призывы были совершенно недвусмысленным подтверждением, что Ялтинские соглашения остаются в силе, что нам не поможет никто, что помочь себе можем только мы сами.

Перед нами по-прежнему стоит вопрос границы, которую переходить не следует. И я не берусь на него ответить. Я могу лишь выдвинуть рабочую гипотезу, которая базируется на опыте Будапешта 1956 года и Праги 1968 года. Мне думается, что граница эта определяется тремя факторами.

Во-первых, международное положение Польши, которое определяется участием ее в Организации Варшавского договора.

Попытки изменить это положение приведут к интервенции.

Во-вторых, политический характер власти в Польше. Единственные партнеры, принимаемые СССР всерьез, — это польские коммунисты. Поэтому массовое движение должно стремиться ограничить власть компартии, добиться контроля над ней, уступок в области демократических свобод, но ни в коем случае не ставить своей задачей ликвидировать эту власть. Я допускаю, что сказанное не популярно, но тем более считаю своей моральной обязанностью заявить это прямо.

Наконец, в-третьих, если наступит анархия, если положение в городах выйдет из-под контроля, Советы, — хотя бы по чисто стратегическим соображениям, -- начнут бить тревогу. Поэтому мы должны настаивать на своих правах, требовать от властей положенного, используя все средства, кроме одного, — мы не должны выходить на улицы. Еще раз рискуя оказаться непопулярным, я повторяю, что уличные демонстрации могут привести к повсеместной дестабилизации, создать обстановку, которую уже никто не в силах будет удержать в желанных границах. Нас научил опыт, что достаточно и одной демонстрации, чтобы последствия оказались роковыми.

Эра Гомулки отличалась не только стремлением к "малой стабилизации". Она пыталась восстановить единство нации. В тот период в партийном аппарате работали люди нового поколения, которые имели мало общего с ментальностью довоенных и послевоенных коммунистов, сторонников интернационализма сталинского типа, слепых поклонников Советского Союза. Новое поколение восприняло коммунизм чисто идеологически, а не ради власти. Эти аппаратчики, занявшие ключевые места в министерствах и обкомах, заранее обрекали себя на раздвоение: с одной стороны, они боялись управлять страной без санкции Советов, ибо прекрасно понимали, что без поддержки Кремля им своих постов не удержать; с другой стороны, -- они связывали себя с польским обществом мифом о национальном единстве и хотели на него опираться. Короче, в их кармане оказалось как бы сразу по два паспорта, и это вынуждало их с опаской оглядываться то на одну сторону, то на другую.

После этого короткого журналистского отступления, перейдем к событиям 1968 года.

Я не буду говорить о них с позиций, которые мне самому казались тогда наиболее важными, то есть с точки зрения студен-

ческих выступлений и борьбы за абсолютные ценности. Меня сейчас интересует в том периоде социология власти. Что стряслось с правящей элитой, когда она внезапно почувствовала себя вынужденной прибегнуть к лозунгам, которыми прежде гнушалась? И на этот раз, правда, она попыталась опереться на народ. Однако, если в 1956 году политическая элита стремилась к самоотожествлению с демократическими традициями Польши. что ей не удалось, -- то в 1968 году она попробовала расшевелить "темное и волнующее" в польской душе, те сферы национального подсознания, которые особенно восприимчивы к демагогии, проповеди всеобщей уравниловки, антиинтеллектуализма, ксенофобии, которые легко поддаются истерии и ненависти. Эту истерию, эту ненависть тогдашняя власть умело направляла против четко очерченной и для всех различимой мишени. Польская печать 1968 года, прежде всего именно те журналисты, которые теперь клеймят "антисоциалистические силы", с готовностью отображала этот взрыв национального подсознания.

В том же 1968 году произошла чехословацкая трагедия, которая была для нас горестна вдвойне: ведь тогда и польская армия участвовала в покорении свободного народа! Чехословацкие события 1968 года были для нас серьезным уроком. Благодаря чехословацкому опыту, мы теперь знаем, что делать и чего не делать. Хорошо известно, чем вызвана советская интервенция в Чехословакии. И, помня об этом, я готов довольствоваться меньшим, чем мои товарищи, которые сетуют на то, что в Польше до сих пор существует цензура, что на уступки власть идет медленно, что в партийном аппарате все еще много противников реформ. Чехословацкий урок нас научил, что как только власть отождествит себя с обществом на базе демократии и национального единства, она неизбежно сбрасывает с себя железные оковы советских директив. А, сбросив их, она теряет к этим директивам интерес, начинает ими пренебрегать. И вот парадоксальный вывод: наше счастье, что Польшей руководит товарищ Каня, а не Дубчек или какой-нибудь другой либерал... (Смех, аплодисменты.)

Без аппарата власти мы обойтись не можем, хоть и понимаем прекрасно, как он скован, в какой мере, что бы там ни говорили, он все еще зависим. Аппарат власти нам необходим, как бывает необходим для спасения жизни больного гип-

совый корсет, хоть он и затрудняет, и замедляет движения.

События 1970 года были следствием 1968. Тогда оборвались последние, посредствующие звенья, благодаря которым правящая элита могла получать правдивую информацию о том, что происходит на самом деле. Перед ней распростерлось темное пространство, скупо освещенное тлеющими руинами сожженных обкомов и райкомов. На подмостки польской истории вышел рабочий класс. Я, конечно, говорю не о тех "рабочих", которых в 1968 году послали разгонять варшавских студентов. Вовсе нет. Речь идет о настоящих рабочих, которые осознали свое положение и вступили на путь организации стачечных комитетов, тем самым лишив власть права называться рабочей. В 1970 году стало очевидно, что причина рабочих выступлений -- не в состоянии управления экономикой, а в характере власти, в ее манере обращаться с рабочими. События на балтийском побережье вскрыли глубокий кризис общества. Ведь когда принялись стрелять в рабочих, — и стреляли долго, польская интеллигенция даже пальцем не пошевелила. Ни один ведущий писатель или деятель искусства не поднял голос, молчали даже "диссиденты", за исключением изолированных выступлений Куроня и Модзелевского.⁵ Да-да, мы не сказали ни слова. И это тоже было отчасти следствием 1968 года. Властям снова удалось навязать нам язык своих лозунгов. Мы тогда опасались, что если выступим мы, участники студенческих волнений, то скомпрометируем рабочее движение, усугубим его трудности.

... И еще один вопрос. Можно ли согласиться, что события семидесятого года подтвердили распространенные в Западной Европе и, главным образом, в левых кругах, стереотипные мнения, что существующие в странах реального социализма "бюрократическая система", "государственный капитализм" и т.п. создали условия для формирования нового рабочего класса, который в один прекрасный день выступит их могильщиком? Мне думается, что эти состряпанные на троцкистской, а в некоторой степени и на еврокоммунистической кухне стереотипы не соответствуют действительной ситуации в наших странах. Рабочие представляют важную, а иногда и преобладающую часть индустриально развитых обществ, но их общественный вес вовсе не предопределяет идеологическую базу общественного устройства. Другой фактор представляется более важным. А именно то, что наша власть утратила право претендовать на представительство

интересов рабочего класса. Как только рабочие подняли свой голос, как только они осуществили свое *liberum veto* (право вето), как только нашли в себе силы сказать "хватит!", власть вынуждена была уступить. Я нарочно воспользовался термином *liberum veto*, ибо положение рабочих в наши дни во многом напоминает статус шляхты в XVII веке -- мелкое польское дворянство могло прервать заседание Сейма, но оно не имело институтов, которые позволили бы ему влиять на власть постоянно.⁶

С декабря 1970 года Польша управляется соответственно "новому общественному договору" (выражение Антонина Лима⁷). На одной стороне власть, на другой -- общество; причем власть как бы отказалась от намерения вмешиваться во все области общественной жизни, на котором она прежде настаивала; общество же отказалось от попыток свержения власти. По крайней мере, общество старается не провоцировать власть. Этот договор между организованной властью и неорганизованным обществом, конечно, остается негласным. Но если он нарушается одной из сторон, возобновить его удастся лишь ценой серьезных изменений.

Первые годы правления Герека прошли под двумя лозунгами: гражданам постоянно твердили "старайтесь, трудитесь!", а аппарату власти -- "обогащайтесь!". Эти лозунги заместили идеологию. Обратите внимание, дискуссии о марксизме и коммунизме кончились, обсуждалась только проблема производительности труда.

В 1976 году рабочие осуществили свое право вето. С этого началось разложение тоталитарной власти. Она еще существует, но уже не в состоянии контролировать общество. Она пытается жить с обществом в мире. И давайте не забудем, что в том -- заслуга Герека (*смех, аплодисменты...*). Только объясняется такая терпимость вовсе не добровольным решением, а слабостью.

С того же времени начались попытки создать самостоятельные, независимые от власти общественные организации... Образовались первые независимые группы: КОР (Комитет защиты рабочих) и РОПЦИО (Движение в защиту прав человека и гражданина); общество по организации научных семинаров ("летучие университеты"); независимые профсоюзы; неподцензурные издания книг и журналов; независимые организации кре-

стьян... Все эти институты имеют то общее, что действуют на грани закона, но содержание их деятельности различно... Начиная с 1976 года мы живем в многоструктурном обществе. То же можно сказать и об официальных организациях, например, о ПЕН-клубе, о Союзе писателей, о Союзе социологов или специалистов по народному хозяйству Польши. И эти организации не остались в стороне. Они по-своему откликнулись на общественные перемены. Процесс стал необратимым. Наступил тот классический момент в истории, когда, по выражению Ленина, верхи уже не могут править по-прежнему, а низы уже не хотят по-прежнему жить.

Сейчас основной для нас вопрос заключается вот в чем: верна ли оценка положения, принятая оппозиционными кругами? (Я подразумеваю здесь оппозицию в самом широком смысле слова.)

Лично я считаю, что наша оценка положения, как и прогнозы на будущее, оказались, в основном, точны.

Предположение, что существующая система управления и экономическая политика чреваты глубоким кризисом, который неизбежно вызовет взрыв общественного недовольства, подтвердилось полностью. И то, что этот взрыв принял, по выражению Братковского,⁸ форму "добродушной революции", в этом нет никакой заслуги правящих кругов. Речь идет о рабочей революции, а вовсе не о революции, произведенной "здоровым ядром партии", как недавно писал А. Верблан в "Жизни Варшавы". (Смех, аплодисменты.)

Какова же роль католической церкви в польских событиях? Значение Церкви определилось для Польши не только избранием кардинала Войтылы Римским папой или его визитом сюда. Церковь дает Польше самый совершенный пример сосуществования независимого общественного института с правящей властью. Она умеет соединить полный учет реальных возможностей с последовательным нажимом на власть. Она дает нам пример поведения в условиях, которые нам навязаны, и мы должны извлечь из него урок. Визит папы вылился в демонстрацию нового отношения Польши к Церкви, которое выходит за рамки даже самой веры. Но важно знать, к какому характеру отношений с правящей властью стремится Церковь в будущем. Попытается ли она стать монолитным *политическим* институтом? Но тогда, как говорят западные наблюдатели, произойдет *пра-*

низация Польши: на одной стороне будет еле стоящий на ногах шах, а на другой — могущественный аятола, подстерегающий случай свергнуть шаха. (*Голоса протеста в зале.*) Извините, но я не могу не замечать подобных тенденций в нашей Церкви. Впрочем, наблюдаются и другие тенденции, в частности, в политической линии ПАКСа.⁹ И если они победят, Церковь добьется большей свободы в религиозной жизни страны, но ценой нового союза с правящей элитой.

Единственно позитивное решение можно найти в позиции папы и близких профсоюзам "Солидарность" ксендзов. Церковь должна быть открытым институтом, приспособленным к нормам плюралистического общества. В ней не должно быть авторитарности. Свои права она отстаивает как составную часть прав человека. Но, подчеркиваю еще раз, это не единственная возможность из тех, которые мы наблюдаем в кругах епископата.

В августе 1980 года в "новый общественный договор" были внесены коррективы: достигнутое прежде явочным порядком формулируется черным по белому, на бумаге; прежде спонтанное становится организованным. И в этом наш шанс. Мы должны искать не компромисса между дееспособным обществом и лишенной дееспособности властью, а компромисса общества с самим собой. Уже продырявленная, как сито, власть оказалась общей мишенью для всех. Всем от нее что-то нужно: повышения зарплат и больших мясных пайков. Наши единство и солидарность великолепны, но не вечны. Общественный договор, при котором каждый требует максимума, причем немедленно, — нереален. Бог мне свидетель, я не отвергаю требования масс. Пока наши правители не выдвинут реалистической и комплексной программы экономических реформ, последовательное проведение которых выведет страну из кризиса, все попытки власти ограничить требования рабочих останутся всего лишь демагогией.

В жизни всегда так: когда доходы невелики, человек должен решить сам, чему отдать предпочтение. В государстве встают вопросы о финансировании здравоохранения, образования, жилищного строительства. Государство должно решить, удовлетворять ли требования крестьян и повысить цены на мясо, или, наоборот, пойти навстречу городскому населению и эти цены снизить. Такой выбор сделать не просто. И именно поэтому

помимо соглашения с властью, общественный договор прежде всего предполагает согласие внутри самого общества.

Что сделает правительство? Мы думаем об этом ежедневно, ибо этим определится все остальное. Пока что правящая власть обнаруживает свою полную несостоятельность. Даже лучшие ее представители, которые понимают, что дальше по-прежнему править нельзя, неспособны предложить сколь-нибудь новую концепцию руководства. Эта часть правящего класса подтверждает свой либерализм, например, ссылками на то, что в данный момент содержатся в тюрьме *всего лишь* два политзаключенных -- Лешек Мочульский и Войцех Зембинский.¹⁰ Эти "либералы" даже не чувствуют, что оплевывают самих себя. А последствия такого бесчувствия столь же непредсказуемы, как и последствия регистрации независимых профсоюзов "Солидарность". Ведь с 31 августа 1980 года именно убеждение, что никто не может быть брошен в тюрьму за политические взгляды, легло в основу солидарности *всего* нашего общества. Ведь не случайно одним из пунктов Гданьского соглашения,* его предварительным требованием было освобождение из тюрьмы трех человек еще до подписания этого документа. К сожалению, наши руководители все еще не уразумели, что, находясь в заключении, эти двое для них куда опаснее, чем если бы они были на свободе. (*Аплодисменты.*)

Интересно отметить, что спор в Варшавском суде о регистрации "Солидарности" тоже свелся по-существу к проблеме языка. И на этот раз власти решили убить смысл Гданьского соглашения посредством игры в слова. Они силились провести растяжимую резиновую резолюцию, которая открывала бы возможность для разных толкований. Например, они настаивали на том, чтобы во всех случаях оговаривалась руководящая роль партии. Но что это значит для меня, как для личности, -- признать руководящую роль партии в Польше? Для меня это имеет лишь один смысл. Это означает признание факта, что в связи с геополитическим расположением нашей страны руководить ею должна коммунистическая партия. Только и всего. Как могут власти установить мое отношение к социализму? Я -- за него или против? Бессмысленно на меня наклеивать этикетку анти-социалиста, как это сделал господин Тейхма в своей статье, так

* Текст Гданьского соглашения см. на стр. 165.

как он не умеет объяснить, что значит признавать руководящую роль партии. Насколько мне известно, этого никто не пробовал объяснить.

Один журналист писал в "Жизне Варшавы", что руководящая роль партии заключается в том, что она *вдохновляет*. Ну, хорошо, пусть вдохновляет, я уж дождаться не могу! (*Смех, аплодисменты.*)

Да, я готов считаться с существующей действительностью. Мы должны научиться сосуществовать с властью. Но мы должны научить также и власть сосуществовать с нами, причем на основе, качественно отличающейся от той, которая была создана за последние тридцать лет. (*Аплодисменты.*)

К сожалению, правящая власть все еще прибегает к таким магическим формулам, как "антисоциалистические силы"; фактически так клеймят всех, кто негоден. Но какой смысл пользоваться подобными этикетками, если одновременно утверждают вполне официально, что кардинал Вышинский -- выдающийся патриот, достойный восхищения человек и т.п. Разве кардинал Вышинский когда-либо говорил, что он за социализм хоть какого угодно сорта? Все это совершеннейшая чепуха...

Я думаю, что мы должны найти путь честного компромисса, реалистическую позицию. А это значит суметь согласовать гражданские выступления против власти с умиротворением самого общества, разумность требований с непоколебимостью.

И последний вопрос. Есть ли у польского народа, который живет между Советским Союзом и Германией, который не может рассчитывать на помощь извне, основания надеяться на установление в своей стране демократии? Найдется ли у польского народа не только мужество, но и терпение и умеренность? Освоит ли он технику противодействия непрерывному нажиму власти, которая правит нами сегодня и наверняка будет править завтра?

Польша 1980 года -- это не Чехословакия 1968, где двигателем общественных реформ был партийный аппарат. Польша 1980 г. -- это и не Венгрия 1956, где оказались смяты почти все политические структуры. Если уж сравнивать Польшу с другой страной, то наиболее удачным кажется мне пример Испании. Испанцы соединенными усилиями оппозиции и части правящей элиты вывели страну из-под власти диктатуры и установили демократию. Я знаю, конечно, что геополитическое расположение

Испании отличается от нашего... (Смех в зале.) И все же именно Испания — пример, над которым следовало бы задуматься.

Происходящее в нашей стране необычайно. Это необычайное необходимо спасти даже ценой серьезного компромисса. Я говорю совершенно ясно — *компромисса*, а не *капитуляции*. И если таким компромиссом были Гданьские соглашения, именно поэтому они должны породить институционализированные формы, в рамках которых станет возможен диалог между властью и гражданами. В этот компромисс включено требование о предании гласности мер, примененных при подавлении выступлений 1968, 1970 и 1976 гг. В этот компромисс включено также требование о наказании виновных за применение этих мер работников полицейского и пропагандистского аппарата.

Бржозовский¹¹ когда-то сказал: "Мы должны научиться говорить о том, что осмелились сделать". Мне думается, что именно в этом смысл наших дискуссий. Мы должны говорить о том, что осмелились сделать, а для этого необходим язык правды. В языке компромиссы недопустимы. Они возможны в политике. Если мы допустим компромисс в языке, нам перестанут верить. Именно поэтому мы должны постоянно подчеркивать, что компромисс — это компромисс, а не История с большой буквы, что капитуляция — это капитуляция, а не Соглашение с большой буквы, что иностранная интервенция — это не братская помощь дружественной стране.

Позвольте закончить цитатой из моего любимого писателя Джорджа Орвелла. Это резкие, написанные в гневе слова. В 1944 году, в дни, когда забытая своими союзниками на Западе и на Востоке, оставленная общественным мнением Англии, гнила в огне восставшая Варшава, английский социалист Орвелл обращался к своим соотечественникам-интеллектуалам:

"За отсутствие искренности, за трусливое равнодушие приходится платить. Не думайте, что можно долгие годы верноподданнически пропагандировать советскую и подобные ей системы, не потеряв при этом интеллектуальной цельности. Кто продался раз, останется продажным навсегда".

Примечания

- ¹ Армия Крайова (Отечественная армия) сформировалась после поражения регулярных польских вооруженных сил в 1939 году и была связана с лондонским эмиграционным правительством. Она организовала Варшавское восстание (август-сентябрь 1944 года).
- ² ПРП (Польская рабочая партия) — подпольная коммунистическая организация, созданная в декабре 1941 года. ЗПП (Союз польских патриотов) — организация коммунистов, бежавших в 1941 году из Польши в Советский Союз.
- ³ Лешек Колаковский — историк и философ, после 1956 года вместе с другими интеллектуалами-марксистами стал сторонником "ревизионистской" тенденции, сторонником реформ. В 1968 году эмигрировал в Англию.
- ⁴ "Малая стабилизация" — пьеса Тадеуша Розевича, пользовавшаяся большим успехом в период правления Гомулки. "Малый апокалипсис" — роман Тадеуша Кончинского, считается лучшим польским романом последних лет.
- ⁵ Яцек Куронь и Карол Модзелевский — видные польские интеллектуалы. В 1965 г. они написали открытое письмо Польской объединенной рабочей партии, за которое были приговорены к трем годам заключения. Куронь — один из основателей КОРа (Комитета защиты рабочих). Модзелевский представляет "Солидарность" во Вроцлаве.
- ⁶ Понятие "вето" относилось в феодальной Польше к мелкому дворянству, единственной привилегией которого было "право вето" (либерум вето), то есть право приостановить заседание областных Сеймов, проголосовав против любого обсуждаемого Сеймом вопроса. "Либерум вето" считалось признаком свободы польского дворянства, но, с другой стороны, оно послужило причиной анархии, приведшей к разделу Польши.
- ⁷ Антонин Лям — см. его статью на стр. 45 и биографическую справку об авторе на стр. 197.
- ⁸ Братковский — один из основателей группы, объединившей католиков, которые критически относятся к политике партии. В ноябре 1980 года он избран председателем Союза журналистов.

- 9 Речь идет об официально признанном католическом движении ПАКС, которое во всех основных вопросах поддерживает политику партии и имеет своих представителей в польском парламенте – Сейме.
- 10 Лишек Мочульский – председатель организации “Конфедерация за независимую Польшу”, добровольно приостановившей свою деятельность. Его арестовывали дважды – в сентябре и ноябре 1980 г. Зембинский – член РОПЦИО (Движение в защиту прав человека и гражданина).
- 11 С. Бржозовский – философ и писатель, умер в начале XX века.